

БЕХТѢЕВЪ.

ШАРАПОВЪ.

Князь ЦЕРТЕЛЕВЪ.

В. СНѢЖКОВЪ.

*Un système faux a pour
complice tous ceux qui le ménagent
par leur silence.*

A. Yinet.

Русское Государство понесло въ прошломъ году тяжелую утрату. Скопчались одинъ за другимъ Бехтѣевъ, Шараповъ и князь Цертелевъ. Печать и общество отнеслись къ этой уtratѣ болѣе чѣмъ равнодушно. Повидимому большинство русскихъ обывателей полагаютъ, что у насъ такихъ дѣятелей такое обиліе, что и останавливаться на нихъ не стоитъ. Несмотря на талантливость и энергію, ни Бехтѣевъ, ни Шараповъ съ Цертелевымъ, серьезнаго успѣха въ жизни не имѣли и особой популярности не приобрѣли. Причину этого, какъ мнѣ кажется, слѣдуетъ искать главнымъ образомъ въ томъ, что они никогда не плыли по теченію и никогда не мирились съ чиновничьимъ оптимизмомъ или, вѣрнѣе, оппортунизмомъ. Всѣхъ трехъ объединяла, несмотря на различіе ихъ темперамента, политическихъ воззрѣній и пр., глубокая вѣра въ духовныя силы русскаго народа и въ экономическую мощь Россіи.

Б е х т ѣ е в ъ.

Каждый годъ въ Россійской Имперіи умираетъ нѣсколько сановниковъ, для большинства ко-

торыхъ не приходится составлять особые некрологи, такъ какъ на этотъ случай они уже имѣются разъ навсегда утвержденнаго образца: скончался тайный совѣтникъ X; *curriculum vitae* — изъ столоначальниковъ былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія, вступилъ въ отправленіе обязанностей вице-директора тогда-то, получилъ „тайнаго“ по выслугѣ столькихъ то лѣтъ, синюю ленту въ такомъ то году и т. д. Всѣ варианты на эту тему сводятся къ слѣдующему: Z началъ службу не столоначальникомъ, а чиновникомъ особыхъ порученій, произведенъ не только въ „тайные“, но и въ „дѣйствительные тайные“, имѣлъ не только синюю, но и красную ленту. Неужели покойный Бехтѣевъ былъ только тайнымъ совѣтникомъ! неужели о немъ только и можно сказать, что послѣ красной съ желтыми полосками ленты онъ получилъ очередную синюю! А между тѣмъ печать и общество отнеслось къ покойному почти съ такой точки зрѣнія.

Прежде всего и болѣе всего Бехтѣевъ былъ земцемъ. Интересамъ деревни онъ посвятилъ всю свою жизнь, начиная съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности въ качествѣ земскаго гласнаго, мирового судьи, предводителя дворянства и кончая трибуною Государственнаго Совѣта. Въ земскомъ дѣлѣ нельзя назвать Сергѣя Сергѣевича ни либераломъ, ни консерваторомъ. Бехтѣевъ гордился русскимъ земствомъ, въ особенности тѣмъ, что за рѣдкими исключеніями русское дворянство даже въ ущербъ своимъ интересамъ направляло земскія средства главнымъ образомъ на пользу крестьянскаго сословія, но въ то же время онъ глубоко возмущался, когда земство уклонялось въ сторону политики. Обсужденіе земствомъ не только общегосударственныхъ но даже и правовыхъ вопросовъ

Сергѣй Сергѣевичъ признавалъ отвлекающимъ земство отъ его прямыхъ обязанностей, хозяйственныхъ, а потому крайне нежелательнымъ. Все свое вниманіе онъ сосредоточивалъ на практическихъ задачахъ, не безъ основанія указывая на почти полное отсутствіе связи между земствомъ и сельскимъ хозяйствомъ. Земство само по себѣ, интересы сельскаго хозяйства сами по себѣ, никакой или почти никакой связи между сельскимъ хозяйствомъ и земствомъ, никакихъ серьезныхъ (большинство земствъ расходовало на нужды сельскаго хозяйства менѣе 1⁰/₆ своего бюджета) усиліи въ этомъ направленіи,—вотъ, къ несчастью, вѣрная картина всей земской дѣятельности до самаго послѣдняго времени, когда земскія собранія начали заниматься нѣсколько болѣе сельскохозяйственными вопросами, но опять таки, надо откровенно признать, подъ вліяніемъ правительственныхъ сферъ. Бехтѣва страшилъ не столько даже политическій оттѣнокъ земской дѣятельности, сколько сознаніе, что время идетъ, народъ бѣднѣетъ за-долженность землевладѣнія увеличивается, а земство все топчется на одномъ мѣстѣ и далѣе шаблонной программы не идетъ. Несмотря на такое настроеніе земства и общества Бехтѣву все-таки удалось устроить въ своемъ родномъ Ельцѣ элеваторъ, учредить сельскохозяйственное общество, открыть Отдѣленіе Государственнаго Баяка и т. п. Въ надеждѣ на развитіе пароходства по Дону, Бехтѣвъ на свой счетъ произвелъ изслѣдованіе рѣки на протяженіи слишкомъ тысячи верстъ, принималъ самое горячее участіе въ работахъ по установленію возможно выгоднаго тарифа для продуктовъ сельскаго хозяйства, въ работахъ Съѣздовъ и Совѣта объединенныхъ дворянскихъ обществъ и т. п.

Сергѣй Сергѣевичъ былъ крайне отзывчивъ на всякое симпатичное ему начинаніе. У пишущаго эти строки какъ то состоялось небольшое совѣщаніе изъ представителей мѣстнаго земства и еще трехъ сосѣднихъ губерній по вопросу о необходимости созыва селѣскохозяйственнаго съѣзда. Несмотря на свои сравнительно уже немолодые годы и нездоровье Сергѣй Сергѣевичъ по первому же моему письму счелъ необходимымъ прибыть на совѣщаніе, хотя отъ его имѣнія до моего около 150 верстъ. Надъ представленнымъ мною совѣщанію докладомъ онъ не полѣнился просидѣть до поздней ночи, самымъ тщательнымъ образомъ его просмотрѣть и сдѣлать въ немъ весьма основательныя исправленія, съ которыми, конечно, и пришлось согласиться. Читая письма покойнаго, никто не повѣрилъ бы, что ихъ пишетъ почтенный сановникъ, они дышутъ прямо таки юношескимъ увлеченіемъ и свѣжестью. Весьма на первый взглядъ сдержанный и уразновѣшенный Бехтѣевъ въ сущности былъ человѣкомъ американской складки, неспособнымъ мириться съ рутинною. Если бы ему предоставили возможность примѣнить болѣе или менѣе широко свою энергію и огромный жизненный опытъ, то, полагаю, русское государственное хозяйство много выиграло бы, но Бехтѣева держали, что называется въ „черномъ тѣлѣ“. Въ то время, когда сорокалѣтнимъ бюрократамъ, совершенно незнающимъ Россіи, ввѣрялись цѣлыя управленія, Бехтѣевъ до 65 лѣтъ числился однимъ изъ даже не второстепенныхъ, а безчисленныхъ третьестепенныхъ министерскихъ чиновниковъ, самое же назначеніе его незадолго до смерти, въ Государственный Совѣтъ состоялось какъ то случайно и, кажется, не безъ противоѣдствія вліятельныхъ сферъ, но всетаки Бехтѣ-

евъ не падалъ духомъ и вѣрилъ въ возможность грандіознаго сельскохозяйственнаго обновленія Россіи, возлагая при этомъ особыя упованія на главу своего вѣдомства, Статсъ-Секретаря Кривошеина, со стороны котораго онъ повидимому встрѣтилъ серьезную поддержку.

Не говоря уже объ устроенномъ Бехтѣевымъ **первомъ** въ Россіи элеваторѣ и пр., одни изданные Сергѣемъ Сергѣевичемъ „Хозяйственные итоги“ должны были бы создать ему огромную популярность, но тѣмъ не менѣе для правительства и широкой публики Бехтѣевъ остался только безпкойнымъ „тайнымъ совѣтникомъ“.

Ш а р а п о в ъ.

Трудно себѣ представить болѣе типичную фигуру чѣмъ покойный Сергѣй Федоровичъ. И по внѣшнему своему облику и по внутреннему складу Шараповъ былъ истинно-русскимъ человѣкомъ со всѣми его достоинствами и недостатками. Необыкновенно даровитый и энергичный онъ былъ энциклопедистомъ въ лучшемъ значеніи этого слова, не было кажется ни одного научнаго или политическаго вопроса, котораго онъ не затронулъ бы и болѣе или менѣе оригинально не освѣтилъ бы.

По правдѣ сказать, послѣднее время не дало Россіи въ области общественно-политической сколько-нибудь яркихъ оригинальныхъ людей и Шараповъ въ этомъ отношеніи выгодно выдѣлялся на безцвѣтномъ фонѣ русской дѣйствительности. Три

главныя идеи преобладали въ его дѣятельности: необходимость финансовой реформы, объединеніе славянъ и самоуправленіе. Золото, биметаллизмъ или наконецъ бумажныя деньги — что выгоднѣе для даннаго государства отвѣтить весьма трудно. Здѣсь конечно не мѣсто обсуждать такіе сложные вопросы, но нельзя не замѣтить, что Шараповъ, требуя введенія бумажныхъ денегъ, преслѣдовалъ главнымъ образомъ практическія цѣли: выгода такого введенія для земледѣлія и освобожденіе Россіи отъ чрезмѣрной зависимости отъ заграничныхъ банковыхъ синдикатовъ. Не будучи специалистомъ, я не дерзну даже и высказываться по данному вопросу, но всетаки не могу не указать, что въ Россіи, какъ странѣ земледѣльческой, казалось бы, вся государственная политика между прочимъ и финансовая система, должна быть согласована съ интересами сельскаго хозяйства. Кромѣ области экономической конечно не менѣе важна и область общеполитическая, и здѣсь стремленія Шарапова заслуживаютъ глубокаго вниманія. Не для кого не тайна, что благодаря зависимости нашихъ финансовъ отъ заграничныхъ кредиторовъ, не только наша промышленность, но даже и наше государственное управленіе находится въ сферѣ вліянія гг. Блейхредеровъ и Мендельсоновъ. Всякая попытка освободиться отъ такого гнета, казалось бы, должна встрѣтить сочувствіе какъ общества такъ и правительства, но Шараповъ тщетно добивался хотя бы только гласнаго обсужденія этого вопроса заинтересованными вѣдомствами, представителями науки, представителями земледѣлія и промышленности. Единственнымъ результатомъ, котораго добился Шараповъ, было объявленіе его чуть ли не политически неблагонадежнымъ, пріостановленіе администраціей

издававшася имъ „Русскаго Дѣла“, три предостереженія „Русскому Труду“, послѣ чего и эта газета прекратила свое существованіе.

Въ славянскомъ вопросѣ Сергій Федоровичъ былъ послѣдователемъ И. С. Аксакова и другихъ представителей славянофильства, въ ненависти къ Германіи единомышленникомъ Скобелева, но современное націоналистическое направленіе встрѣтило въ немъ ожесточеннаго противника. Въ вопросахъ польскомъ и финляндскомъ онъ держался особаго мнѣнія, что и повело къ окончательному разрыву съ нимъ консервативныхъ русскихъ круговъ, съ которыми онъ шелъ начиная съ 1905 г. рука объ руку. Шараповъ примкнулъ во время революціи къ крайнимъ правымъ партіямъ не потому, чтобы онъ во всемъ раздѣлялъ ихъ воззрѣнія, но главнымъ образомъ по свойству своей натуры. Все неопредѣленное, неясное, онъ ненавидѣлъ всѣми силами своей души, шаблонный либерализмъ какъ и шаблонный консерватизмъ ему одинаково претили, рутина и чиновникъ были его личными врагами. Шараповъ и рапѣ революціи всегда искалъ въ людяхъ самообытности и даровитости, стоило ему замѣтить въ комъ либо хотя бы искорку таланта, какъ онъ тотчасъ же начиналъ рекламировать это лицо, причемъ благодаря пылкости своего темперамента сплошь и рядомъ жестоко ошибался. Какъ теперь помню, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ онъ рекламировалъ одного дѣйствительно даровитаго дѣятеля, несомнѣнно революціоннаго (для болѣе холоднаго чѣмъ Шараповъ наблюдателя) направленія, вскорѣ послѣ шараповскихъ похвалъ безповоротно примкнувшаго къ крайнѣйшей лѣвой партіи. Въ крайнихъ правыхъ организаціяхъ Шараповъ чувствовалъ симпатичный ему элементъ, элементъ борьбы, во всѣхъ остальныхъ (умѣренно-

правыхъ и центра) онъ конечно не могъ не видѣть стремленія къ упроченію буржуазной конституціи, т. е. того, чего всего болѣе онъ опасался. Передъ Шараповымъ, мечтавшимъ о церковномъ началѣ, земскихъ соборахъ, о Государевой, а не о „Государственной“ Думѣ и т. п., съ неумолимою ясностью развертывалась перспектива неизбежной побѣды буржуазныхъ началъ надъ славянофильскими!

Шараповъ былъ безусловнымъ консерваторомъ лишь въ вопросѣ о существѣ Верховной Власти, во всѣхъ остальныхъ вопросахъ онъ былъ скорѣе либераломъ и даже радикаломъ. Отрицая, напримѣръ, вмѣстѣ съ консерваторами жизненность мелкой земской единицы, онъ вмѣсто нея выдвигалъ приходскую организацію и такую схему земскихъ учрежденій, которыя не могли не внушать опасенія своею чрезмѣрною демократичностью и радикализмомъ. Мнѣ неоднократно приходилось бесѣдовать съ покойнымъ Сергѣемъ Федоровичемъ на эту тему, причемъ онъ на всѣ мои возраженія неизмѣнно отвѣчалъ, что мои опасенія не имѣютъ почвы и что они происходятъ исключительно отъ недостатка вѣры въ здравый смыслъ и религіозность русскаго народа.

Князь Цертелевъ.

Изъ трехъ личностей, памяти которыхъ посвящена настоящая статья, наименѣе замѣтнымъ и въ тоже время наиболѣе заслуживающимъ вниманія является князь Дмитрій Николаевичъ Цертелевъ.

Философъ, поэтъ, публицистъ и общественный дѣятель—покойный вносилъ въ каждую изъ этихъ областей необычайно глубокое, вдумчивое отношеніе. Цертелевъ никогда не довольствовался диллетантскимъ отношеніемъ къ тому или другому волнующему его вопросу. Оставаться, какъ огромное большинство изъ насъ, „безъ догмата“ онъ не могъ, заглушить въ себѣ жажду вѣчнаго идеала свѣтскими развлеченіями, погоней за карьерою и т. п. онъ былъ безусловно неспособенъ и вотъ мы видимъ Цертелева, по окончаніи курса Московскаго Университета, на родинѣ Канта и Шлейермахера, усердно изучающимъ современныхъ корифеевъ германской философіи. Результатомъ такого изученія явилось нѣсколько его работъ, между прочимъ „Schopenhauers Erkenntnistheorie“, доставившая ему степень доктора философіи Лейпцигскаго Университета. Какъ это сочиненіе, такъ и цѣлый рядъ другихъ его работъ обратили на Цертелева вниманіе представителей и русской философской науки, между прочимъ его молодого друга, и если я не ошибаюсь, товарища по университету, Владиміра Соловьева. Работы князя Цертелева въ области философіи обладаютъ однимъ несомнѣннымъ и крайне рѣдко встрѣчающимся въ аналогичныхъ работахъ качествомъ — необыкновенною простотою изложенія. Всякій по опыту знаетъ, насколько для человѣка неподготовленнаго трудно усвоивать тѣ или другія философскія теоріи, а между тѣмъ такая напимѣръ работа Цертелева какъ его „Современный пессимизмъ въ Германіи“ можетъ быть легко усвоена даже лицами, для которыхъ термины „метафизика“, „гносеологія“ и т. п. ранѣе были совершенно неясны. Знакомство съ Гельмгольцемъ для Цертелева не прошло безслѣдно и повидимому это знакомство дало ему

первый толчекъ къ попыткамъ впослѣдствіи освѣтить нѣкоторые вопросы математики и механики. Стихотворенія князя по мнѣнію знатоковъ отличаются изяществомъ формы и задушевностью содержания, что и было отмѣчено Императорскою Академіей Наукъ при присужденіи пушкинскихъ премій.

Dis moi qui tu hantes et moi je te dirai qui tu es—этотъ афоризмъ необыкновенно приложимъ къ личности покойнаго. Владиміръ Соловьевъ, Гартманъ, графъ А. К. Толстой и другіе представители современной научной мысли и литературы,—вотъ близкіе друзья князя Цертелева, отъ которыхъ его отдѣляло политическое міросозерцаніе, но влекло красною нитью проходившее чрезъ всю его жизнь стремленіе къ потустороннему идеалу, къ „царству мысли, гдѣ сіяетъ вѣковѣчный день“. У Цертелева было много политическихъ противниковъ, но не было враговъ. Чистокровному консерватору и даже реакціонеру князю Цертелеву были гостепріимно открыты страницы „Вѣстника Европы“, „Русской Мысли“ и другихъ либеральныхъ журналовъ, въ которыхъ онъ изрѣдка помѣщалъ свои произведенія поэтическаго и общелитературнаго содержанія. Стремленіе къ идеалу пропикало всю литературную и общественную дѣятельность Цертелева. Жизнь покойнаго можно бы прекрасно охарактеризовать словами забытаго нѣмецкаго писателя: „Oh, selig ist der, dem ein Gott eine grosse Idee beschert, für die allein er lebt und handelt, die er höher achtet, als seine Freuden, die immer jung und wachsend ihm die abmattende Eintönigkeit des Lebens verbirgt“.

Чрезвычайно деликатный и мягкій въ личныхъ сношеніяхъ Цертелевъ преображался, когда шло дѣло о завѣтныхъ для него убѣжденіяхъ,

откуда то въ такихъ случаяхъ у него являлась энергія и настойчивость. Когда Дмитрій Николаевичъ и авторъ настоящей замѣтки внесли въ 1906 г. въ Тамбовское Губернское Дворянское Собраніе доклады о необходимости объединенія русскаго дворянства, эти доклады встрѣтили въ нѣкоторыхъ весьма вліятельныхъ представителяхъ тамбовскаго дворянства отрицательное къ нимъ отношеніе, и когда я сказалъ Цертелеву, что въ виду такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ не лучше ли намъ отказаться отъ осуществленія нашей идеи, Цертелевъ началъ волноваться, указывая, что онъ глубоко вѣритъ въ русское дворянство и не допускаетъ мысли, чтобы, оно не возвысило своего голоса въ тотъ моментъ, когда гибнетъ Родина. Въ концѣ концовъ князь оказался правъ, настойчивость его одержала побѣду и на призывъ тамбовскаго дворянства отозвались почти всѣ остальные дворянскія общества Имперіи.

Изъ современныхъ политическихъ дѣятелей по искренности, серьезности и кристальной чистотѣ можетъ сравняться съ княземъ Цертелевымъ развѣ одинъ покойный князь Николай Сергѣевичъ Волконскій. Уступая Цертелеву въ даровитости, въ эрудиціи и глубинѣ міросозерцанія, князь Волконскій былъ дѣятелемъ того же типа. Въ Государственномъ Совѣтѣ, въ первой и третьей Думѣ, въ земскихъ собраніяхъ Николай Сергѣевичъ никогда не измѣнилъ своему знамени: правдивость и искренность во всѣхъ своихъ рѣчахъ и поступкахъ и вѣра въ жизненность земскаго начала на Руси. Либераль и демократъ князь Волконскій никогда не былъ демагогомъ. Для Волконскаго какъ и для Цертелева не существовало вопросовъ личнаго честолюбія. Нѣкоторые крупные общественные дѣятели, чуждые шаблоннаго карьеризма, тѣмъ не менѣе жаж-

дуть популярности и ради нея идутъ на компромиссы, но реклама, компромиссъ и Волконскій съ Цертелевымъ—понятія несовмѣстимыя. Въ доказательство того, насколько князь Цертелевъ неспособенъ былъ идти на какой либо компромиссъ, я позволю себѣ привести здѣсь одинъ эпизодъ изъ его жизни. Три года тому назадъ мнѣ пришлось въ качествѣ выборщика отъ тамбовскаго дворянства принять участіе въ избраніи членовъ Государственнаго Совѣта отъ дворянскихъ обществъ. Въ этихъ выборахъ участвуетъ 78 уполномоченныхъ (по два отъ каждой губерніи), образующихъ двѣ почти равночисленные группы, консервативную и либеральную, при чемъ въ составъ выборщиковъ входятъ восемь представителей окраинъ и присоединеніе этихъ представителей къ той или другой группѣ во многихъ случаяхъ можетъ предрѣшить исходъ выборовъ. Консервативная группа поручила уполномоченному орловскаго дворянства сенатору Нарышкину вступить въ соглашеніе съ представителями прибалтійскаго дворянства, а меня уполномочила переговорить съ представителями дворянскихъ обществъ Кавказа. При переговорахъ съ послѣдними, одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ: „вотъ вы приглашаете насъ вступить съ вами въ блокъ, а уполномоченный вашего дворянства князь Цертелевъ не только ни о какихъ соглашеніяхъ и слышать не хотѣлъ, но чрезвычайно рѣзко напалъ на насъ“. Дмитрій Николаевичъ не былъ, какъ я уже ранѣе доказывалъ, честолюбивъ, но очень желалъ быть членомъ Государственнаго Совѣта и тѣмъ самымъ получить возможность вліять на проведеніе и укрѣпленіе дорогихъ ему консервативныхъ началъ, причемъ князь не могъ не сознавать, что вооружая противъ себя многочисленную группу выборщиковъ, онъ теряетъ послѣдніе

шансы на избраніе и тѣмъ не менѣе и такое со-
ображеніе не остановило его отъ публичнаго вы-
раженія негодованія по адресу этихъ выборщиковъ.

Мы можемъ повторить вслѣдъ за нынѣшнимъ
Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, что у насъ,
слава Богу, нѣтъ парламента, но, господа, съ Ду-
мою и выборнымъ Государственнымъ Совѣтомъ въ
русскую государственность несомнѣнно проникли
начала парламентаризма и, къ счастью или не-
счастью, надо полагать безповоротно. Одна изъ наи-
болѣе отрицательныхъ сторонъ парламентаризма—
карьеризмъ и компромиссы, компромиссы рѣши-
тельно во всемъ. По мнѣнію большинства полити-
ка если не immoralна, то во всякомъ случаѣ
amoralна. Нигдѣ щедринское „съ одной стороны
нельзя не признаться, съ другой—нельзя не со-
знаться“ такъ не приложимо, какъ къ парламен-
таризму, а іезуитское правило „цѣль оправдываетъ
средства“ во многихъ случаяхъ девизъ современ-
наго государственнаго строя. Однако такія исключи-
тельные личности, какъ Цертелевъ, органически
неспособны относиться къ этимъ принципамъ иначе,
какъ съ абсолютной точки зрѣнія, ложь для нихъ всегда
остается ложью, въ какія бы формы ее не обле-
кали. Донъ-Кихоты, какъ реальные политики они
никакого значенія не имѣютъ и имѣть не могутъ,
но они всетаки тревожатъ нашу больную совѣсть
и, кто знаетъ, не настанетъ ли день, когда не мы,
а Цертелевы окажутся правы и человѣчество при-
знаетъ, что и область политики не должна быть
чужда вѣчнымъ идеаламъ правды и добра...

В. Снѣжковъ.